

В ТРАДИЦИЯХ КЛАССИКОВ РЕАЛИЗМА

ГРИГОРИЙ ЕЛЬЦОВ

БЛУЖДАЮЩАЯ ПЛАНЕТА

Москва
ГРИФОН
2015

Григорий Ельцов

Блуждающая планета (сборник)

«Грифон»

2015

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ельцов Г.

Блуждающая планета (сборник) / Г. Ельцов — «Грифон», 2015

«Жизнь в ожиданиях, или Просто Любовь» – первый роман Григория Ельцова, в котором автор рассматривает два центральных понятия гуманистической психологии: самореализацию личности и любовь. Случайное знакомство при довольно необычных обстоятельствах в лесу главных героев этого романа Светы и Максима, похоже, переросло во взаимную любовь. Но героям почему-то кажется, что любовью здесь и не пахнет. Им представляется, что настоящая любовь – это нечто такое, что полностью меняет поведение человека, заставляет его сосредоточиться на предмете любви. Но если понаблюдать за жизнями героев, за их успехами и неудачами, то становится очевидным: мысли Светы и Максима друг о друге несправедливы. Но почему же то чувство, которое так сильно влияет на рисунок жизни, само по себе остаётся незамеченным? Роман местами ироничен, местами лиричен и наполнен дыханием юности. Книгу дополняет аллегорический рассказ «Астроном», нацеленный на оскорбление так называемого социального чувства.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Ельцов Г., 2015

© Грифон, 2015

Содержание

Жизнь в ожиданиях, или просто Любовь	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвёртая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Григорий Ельцов
Блуждающая планета
Сборник

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой её части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Ельцов Г., 2015

Жизнь в ожиданиях, или просто Любовь

Роман

«Когда-то Луна висела прямо над горизонтом. Но затем стала удаляться от Земли, подчиняясь третьему закону Ньютона: сила действия равна силе противодействия».

Из учебника естественных наук

Глава первая

Пропустить сборы я никак не могу

Было всего лишь десять часов утра, но духота стояла невероятная. Народу на улице было мало. Только изредка Максиму встречались спешащие прохожие, опаздывающие куда-нибудь, или дворники, подметающие тротуары. Да ещё попалась компания молодых ребят, допивающих пиво. Для них новый день ещё не начался. Видеть парней с пивом в столь ранний час Максиму, с одной стороны, было противно, с другой – приятно. Максим почему-то сразу думал о них плохое, и ему становилось противно от мысли, что такие плохие парни бродят по утрам и видят новый день лишь сквозь линзу алкогольного опьянения. А приятно – потому что сам он сейчас идёт не домой спать пьяным сном, а в лес на пробежку, которую он совершал в последнее время практически каждый день.

Лес находился недалеко от дома, но за время пути Максим передумал многое. И все думы доставляли ему огромное удовольствие. Пускай он часто в последнее время чувствовал скуку, пускай его будущее пока казалось неопределённым, но была уверенность в том, что спустя какое-то время всё изменится к лучшему, всё разрешится само собой, ведь он же прилагает максимум усилий для этого. А вместе с этой уверенностью в хорошем будущем и настоящее становилось прекрасным, в том числе становились прекрасными и утомительные пробежки.

Всё временно, всё временно, всё временно! Дальше будет лучше. И нынешняя фаза жизни – фаза подготовки к успешной жизни. Вот он побегает это лето, затем пройдёт ещё немного времени, улучшит результаты – и можно принимать участие в соревнованиях. Он знал, что у бегунов на длинные дистанции расцвет физических сил и возможностей нередко начинается под тридцать лет, поэтому считал, что у него ещё есть время для прогресса. Он непременно произведёт сенсацию, не даром же он тренируется помногу, с каждым месяцем пробегая дистанции всё быстрее и быстрее. Тогда-то и начнётся жизнь, успешная жизнь. Но он и после сотворённой сенсации будет продолжать ходить тренироваться в лес. Только мысли его будут уже иными. Вместо того чтобы каждый раз думать о том, не глупо ли вставать так рано, или о том, зачем так напрягаться, Максим будет думать только о том, как же хорошо, что недалеко от дома есть этот замечательный лес. Не будь этого леса, не было бы такого выдающегося спортсмена.

Войдя в лес, Максим посмотрел на будильник, который всегда таскал с собой и который служил ему секундомером. Будильник был старый-старый, и когда Максим его брал куда-нибудь с собой и доставал при знакомых, все над ним смеялись. Было пятнадцать минут одиннадцатого, и Максима это обрадовало, потому что столько же будильник показывал и вчера, когда Максим вошёл в лес.

Максиму нужно было пройти немного по узкой тропинке до большой поляны, недалеко от которой располагалась так называемая стартовая прямая. Здесь он чувствовал себя как дома. Его знали в лицо многие люди, постоянно проводящие часть утра в лесу. В основном это были женщины, гуляющие с колясками или с собаками. Некоторые ему приветливо улыбались, а он делал вид, будто бы не замечает людей с их улыбками. Хотя на самом деле всё прекрасно видел, но не хотел подавать вида, что его могут интересовать посторонние люди с их расположением. За важный вид приходилось расплачиваться отсутствием собеседника, хотя это не сильно волновало Максима. Рекорды на всех дистанциях он поставил в те дни, когда в лесу было слишком много народа. Перед людьми Максим всегда ускорялся. Особенно перед пенсионерами, которые своим видом подхлестывали его даже больше, чем молодые женщины, потому что Максим, видя стариков, сознавал превосходство молодости и силы над старостью и увяданием и бессознательно спешил его реализовать. Но, несмотря на отличные результаты в беге в много-

людном лесу, Максим всё же любил бегать, когда никто на его пути не попадался. Получалось, что, будучи нелюдимым, он всё же зависел от людей.

На большой поляне то тут, то там над травой покачивались женские ножки. Десять часов утра – самое время для загорания в те дни, что обещают быть знойными. Через два-три часа валяться под палящими лучами солнца вряд ли кто-то решится. На окраине леса, в спасительном теньке, три пожилые женщины сидели на бревне, собаки резвились вокруг них. Одна из них бегала за палкой, которую хозяйка то и дело кидала в сторону. А чуть подалее большая компания жарила шашлык. Из машины громко доносилась музыка, слышная и девушкам, загорающим на поляне, и пожилым женщинам, гуляющим с собаками. Она словно объединяла всех людей, собравшихся в это довольно раннее время в лесу. Слышал эту музыку и Максим, слышал он и звуки веселья, и оттого что эти звуки доставляли ему радость, бегать семь с половиной километров совсем не хотелось.

Прежде чем засесть время и начать бег, Максим, как и обычно, присел на бревно и начал подготавливаться психологически к бегу на самую длинную дистанцию. Обычно на это требовалось минут двадцать, но на этот раз большое количество комаров заставило начать разминаться уже через пятнадцать минут, а ещё через три минуты Максим стартовал. Он должен был, согласно своим сегодняшним планам, пробежать пять кругов по полтора километра. Больше он никогда не бегал.

Первые метры дистанции давались, как и всегда, тяжело, затем Максим вошёл, что называется, во вкус, и только в конце второго круга началась традиционная борьба с усталостью. Вся дистанция пролегла в лесу, и только под конец круга, когда Максим выбежал на поляну, лучи солнца добавляли ему неприятностей, а вместе с неприятностями и удовольствие. Удовольствие оттого, что финиш становился всё ближе и ближе, и Максим понимал, что после неимоверно сложной тренировки будет особенно приятно на этом самом финише. Максим предвкушал, как он пересечёт виртуальную линию и сразу же бросится, быть может, на глазах людей, тяжело дыша, на первое бревно, а затем, отдышавшись, ощущая приятную усталость в теле, медленно пойдёт в сторону дома, возможно, даже шатаясь, чтобы показать людям, как ему тяжело и какой он спортсмен.

По завершении второго круга Максим, как только выбежал на поляну, увидел машину скорой помощи и медперсонал на поляне возле большой компании. Музыка стала играть значительно тише. И загорающие из лежачего положения переместились в сидячее, и даже собаки, казалось, перестали резвиться. Только Максим продолжал заниматься тем, чем он планировал заниматься. Борясь с усталостью, он даже и не подумал об удовлетворении своего любопытства. Хотя и на него вид скорой помощи произвёл определённое впечатление. Впечатление положительное. У кого-то то ли от жары, то ли ещё от чего случаются обмороки и серьёзные недомогания, а он по этой жаре бегаёт, и ничего с ним не случается. И от сознания этого у Максима становилось приятно на душе.

На следующем круге всё было по-прежнему. До Максима доносились бодрые голоса парней, разговаривающих с медиками. Судя по всему, ничего серьёзного не случилось. Ещё через круг всё было без изменений. На последнем круге Максиму стало вовсе не до того, что происходит на поляне. Выдавая ускорение на финише, все свои мысли Максим направил к виртуальной линии. До других вещей ему не было абсолютно никакого дела.

А после финиша Максим сразу же сел на ближайшее бревно, то есть сделал то, о чём мечтал на протяжении пяти кругов. Сегодня он хотел отдохнуть на бревне особенно долго. Возможно, он просидел бы, восстанавливая дыхание, минут двадцать, потому что считал, что заслужил этот отдых, пробежав дистанцию за двадцать две минуты, но любопытство всё-таки заставило его подойти к поляне и посмотреть, что же стряслось. Медики садились в скорую. Садился в скорую и пациент. Это был мужчина лет сорока пяти. Максиму, издали наблюдая за происходящим близорукими глазами, показалось, что мужчина выглядит неплохо, и,

судя по внешнему виду, вряд ли у него имеются какие-то проблемы со здоровьем. Большая компания провожала своего товарища в недолгий путь до больничной койки. Возможно, уже сегодня его выпишут, а возможно – найдут что-нибудь серьёзное. В любом случае, настроение, по-видимому, у участников компании было не шашлычное. И как только скорая отъехала, подняв пыль, они стали собираться. Так обычно всё и проходит, меняется за короткий срок. А люди будут продолжать приходить в лес, проходить мимо того места, где ещё недавно человеку было плохо, но ничто им об этом не напомнит.

Максим сел на пень и стал смотреть на то, как невесело собирается компания. Но его внимание привлекло другое. По дороге, где только что проехала скорая, бежала девушка. Максиму было приятно видеть человека, который занимается тем же, чем и он. Он напряг близорукие глаза в надежде разглядеть девушку. У неё были прямые золотистые волосы, одета она была в жёлтую футболку и чёрные шорты. Насколько привлекательное у неё лицо и сколько ей примерно лет, Максиму не позволила разглядеть близорукость, даже когда девушка пробежала не более чем в сорока метрах от него. Бежала она легко и непринуждённо, но скорость при этом была приличная. «Простые любители так не бегают», – подумал Максим. Он поставил перед собой цель: во что бы то ни стало разглядеть её лицо, и, если оно окажется красивым, завязать разговор. Он был уверен в том, что она, так же как и он, бегают кругами, значит, очередной круг не за горами. Он представил, как подойдёт к ней, сделает глупое выражение лица и спросит, как дела, а может, даже предложит ей пробежаться вместе, наперегонки... Хотя как же это глупо – парню бегать наперегонки с девчонкой! Но он может прикинуться совсем не натренированным, сказать ей, что он задыхается после ста метров. Хотя в этом случае он будет походить на слабака в мятой футболке с мокрыми подмышками. Занятия бегом хоть как-то будут оправдывать его внешний вид. А может, девушка вообще живёт в расположенной недалеко отсюда деревушке и сейчас бежит в сторону дома, так что Максим её больше не увидит сегодня? Да и вообще никогда не увидит. «Нет, такое вряд ли возможно», – отбросил секундную мысль Максим. Скорее всего, девушка вновь пробежит по этой дороге, но у неё, возможно, в кармане лежит будильник... секундомер. Ведь наверняка она, как и Максим, бегают, засекая каждый раз время. И тогда он просто-напросто не имеет права отвлекать девушку, сосредоточенную на очередном рекорде. Хотя Максим, если к тому моменту большая компания уйдёт, может побежать за ней и, поравнявшись, с нарочитым волнением задать вопрос: «А вы не видели, в какую сторону поехала скорая? И куда все разошлись?» Или: «Вы не видели, что случилось с тем человеком, он мой знакомый?» Ведь такие вопросы, касающиеся жизни и здоровья людей, важнее потерянных секунд и сбитого темпа. Эх, сколько же семян счастья может взойти в почве, удобренной горем!

Максим пересел на бревно поближе к дорожке, по которой пробежала девушка, и стал ждать. По его расчётам, если девушка бежит вокруг поля, то приблизительно через десять минут она снова должна будет появиться здесь. Десять минут, за которые Максиму надо придумать план действий.

Но не прошло и восьми минут, как стройная фигура вынырнула из-за поворота. Да уж, бежит она быстро! И вряд ли так быстро можно бежать долго, поэтому, скорее всего, девушка заканчивает последний круг. И если Максим хочет с ней заговорить, то сейчас у него последняя возможность. Но он понял, что никогда не осмелится заговорить, по крайней мере, пока девушка бежит. Всё, чем он смог выразить свою заинтересованность – это показать ей большой палец, на что девушка отреагировала усталой улыбкой. В этой улыбке отчётливо прослеживалось самообладание, свойственное людям, занимающимся спортом. Лицо девушки было очень привлекательным. Лет ей было, как показалось Максиму, чуть больше, чем ему самому, то есть где-то девятнадцать-двадцать. Впрочем, он мог и ошибаться, потому что старался не сильно напрягать зрение, чтобы не слишком морщиться.

Когда девушка скрылась за перелеском, Максим уже собрался было уходить, но что-то всё-таки заставило его вновь сесть на бревно и подождать восемь минут. В нелёгком деле подготовки к общению был сделан первый шаг, и прекращать начатое совсем не хотелось.

И вот девушка снова появилась в поле зрения. И вновь она приближалась к нему, и Максим понимал, что никогда в жизни не сможет начать разговор, понимал, что будет выглядеть полным дураком в глазах той, которой хотел показаться умным. Будет выглядеть дураком, а ведь на дурака он не был похож и никогда не стремился к этому.

Девушка пробежала мимо него. Всё та же, хоть и скромная, но полная самообладания улыбка мелькнула на её губах. И тут Максим понял, что он просто не может себе позволить не заговорить с девушкой. Но понял он это, конечно, когда она уже скрылась за перелеском в очередной раз.

Смачно плюнув, Максим встал с бревна и устало побрёл по направлению к городу. Уставшим он был скорее не от пробеганных им самим семи с половиной километров, а от того расстояния, которое пробежала та самая девушка в жёлтой футболке и чёрных шортах. Казалось, каждый метр, который она сейчас пробегает, всё дальше удаляясь от Максима, тяжёлым грузом ложится на его сердце. И было обидно, что он из-за этого случая нарушил свои планы. Сейчас, согласно им, он должен был сидеть за учебным пособием по возрастной психологии. А когда планы Максима не претворялись в жизнь, ему становилось дискомфортно, в голову лезло множество мыслей, в основном направленных на пересмотр целей своего существования и способов достижения этих целей. Если бы знакомство с девушкой всё же состоялось, то нарушенных планов, скорее всего, было бы не жаль.

Максим уже выходил из леса, когда сзади послышалось тяжёлое дыхание. Это бежала та самая девушка. Она, значит, живёт вовсе не в деревушке, куда было поселила её Максимова фантазия; она живёт в городе, по всей вероятности, в одном районе с Максимом. Даже сквозь маску усталости проглядывала её красота. Всё та же улыбка на прекрасном лице словно говорила, что девушка отлично осознаёт свою красоту, но при этом не считает её, эту красоту, главным своим достоинством. Эта улыбка давала понять, что Максим – далеко не единственный парень, который выказал желание с ней пообщаться. Эта улыбка позволяла понять, что девушка даже не желает показывать своей красоты, боясь, что из-за неё люди не увидят красоту её души, не почувствуют жизнерадостности, беспечности, открытости, расположения ко всем людям. Эта улыбка являла апофеоз юности, символ бессмертия. Пройдёт время, и для Максима она станет главной ассоциацией с летом этого года.

Поравнявшись с Максимом, девушка остановилась и вытащила из кармана секундомер. Это было как раз на выходе из леса. Значит, воображение не обмануло, когда подсказало Максиму, что девушка может бегать на время. Хотя воображение обычно обманывает нас, рисуя картины, что другие люди живут примерно так же, как и мы, и делают то же самое, что и мы. Но не на этот раз.

– Побила рекорд? – с чувством бегуна-профессионала спросил Максим.

– На целых пятнадцать секунд.

– Тебе не жарко бегать по полю? По мне – в лесу намного лучше. Если бы я бегал как ты, вокруг поля, от теплового удара убежать бы точно не смог.

– В лесу много коряг, о которые легко можно споткнуться. К тому же некоторые наглые псы бросаются на меня. А это лишние секунды.

Они проходили мимо большого бревна, и девушка устало опустила на него. Максиму почему-то показалось, что девушка этими словами поставила точку в их разговоре. Но он тоже присел рядом с ней. Уверенности ему прибавляло то, что девушка, как и он, занимается бегом. Казалось, им столько можно рассказать друг другу!

– Ты не знаешь, что там произошло? Скорая зачем приезжала?

– Честно сказать, я даже не пыталась разглядеть, что там происходит. Мне было не до этого.

– Я так думаю, от жары человеку стало плохо.

– А ты тоже бегал?

– Да, только я бегал в лесу.

– Что-то много становится спортсменов. В прошлом году я была одна, а в этом каждый день видишь новую бегущую фигуру.

– Я тоже частенько бегал в прошлом году, но тебя ни разу не видел. Да и в этом году тоже.

– Я бегаю обычно позже, ближе к часу. Сегодня просто очень жарко.

– А как насчёт побегать вместе? Так уж и быть, дистанция будет твоя, а вот время – моё. Будем бегать вокруг поля в десять часов. Я всегда мечтал познакомиться со спортсменкой и вместе с ней побегать. Спортсменок я вообще обожаю. К сожалению, их слишком мало, поэтому до этого мне приходилось бегать всегда одному. А тут такой случай!

Девушка окинула Максима доброжелательным взглядом, который мог означать только одно: побегать вместе она действительно не прочь. Но ответила:

– На самом деле сегодня последний день, когда я здесь бегала. Потом у нас будут сборы и...

– Так ты настоящая спортсменка?

– Я занимаюсь лыжами. С апреля до середины июня у нас что-то вроде отпуска, но я всё равно стараюсь поддерживать форму как могу. Поэтому приходится бегать вокруг поля. Так сказать, компенсировать трудолюбием отсутствие таланта.

– Ты бегаешь очень быстро; я подумал, что ты самая талантливая спортсменка в мире. Жаль, что нам не удастся побегать вместе. Хотел бы я потренироваться вместе с настоящей спортсменкой.

– Нет, я вообще собираюсь заканчивать со спортом, ничего я не добьюсь на этом поприще. Собираюсь поступать в университет. В первый год буду как-то совмещать тренировки, сборы, соревнования с лекциями, семинарами, зачётами и экзаменами, а что будет дальше – посмотрим. Но я, по крайней мере, сделаю всё от меня зависящее, чтобы стать профессиональной спортсменкой, хотя шансов совсем немного. Так что, извини, пропустить сборы я никак не могу. А после сборов мне будет некогда.

– И куда же ты надумала поступать?

– Честно сказать, ещё не решила. Хотя времени остаётся совсем не много. Пора определиться. А ты где-нибудь учишься?

Максим сказал девушке, где он учится.

– Психология, – загадочно проговорила девушка. – Должно быть, интересно.

– Интересно. Особенно поначалу. Потом надоедает.

Она встала, видимо, полностью отдышавшись.

– Ты где живёшь? – спросила она бодрым тоном, и Максиму показалось, что они уже давно знакомы.

Максим ответил, где он живёт, после чего девушка назвала свой дом. Жили они в разных концах района, и на ближайшей развилке им надо было прощаться. И всё, о чём успел ещё спросить Максим – как её имя? Девушку звали Света. Максим представился, завершив столь долгожданный разговор так:

– Ну, удачи тебе, Света, – и в спорте, и в учёбе.

– Спасибо, тебе тоже.

И Максим пошёл в сторону дома, одновременно весёлый от общения со Светой и грустный оттого, что это общение было столь коротким. Поскольку он не мог разобраться, какое чувство оказывает на его душевное состояние большее влияние и почему, ещё желанней стали

перемены, ещё сильнее захотелось как можно быстрее начать вести успешную в его понимании жизнь.

Возрастную психологию читать Максим сегодня уже не собирался, решив позвонить какому-нибудь своему другу.

Глава вторая Интересно, почему?

Друзей у Максима было много. Но виделся он с ними редко. Раньше, конечно, всё было иначе. Но с определённого момента – Максим даже не мог точно вспомнить, с какого именно, – все друзья будто стали ему чужими, по крайней мере, так начал считать сам Максим. Он стал избегать частых встреч с ними. Он много думал о прекрасном будущем, и эти его мысли сплелись воедино с общением с приятелями. Возможно, не было бы приятелей, не было бы и мыслей о прекрасном будущем. Интересно, почему? И каждый раз Максим созванивался с друзьями, когда хотел посмаковать именно мысли о прекрасном будущем, которые доставляли ему огромное удовольствие, чего нельзя было сказать об общении с приятелями.

Вечером он собирался позвонить Лёхе Орлову. Лёха учился на инженера на втором курсе. Учился, естественно, за деньги, возможно, именно поэтому любил оторваться на славу даже во время сессии. Сам он объяснял свою любовь к гулянкам до раннего утра и пристрастие к алкоголю тем, что скоро всё прекратится и придёт ЭТО. Под ЭТИМ он понимал жену, детей, напряжённую работу – то есть всё то, что было для Лёхи главной целью в жизни. Какая будет работа у Лёхи, Максим не представлял, да и вообще боялся представить своего приятеля работающим. А вот потенциальная жена у Лёхи уже была. Звали её Леной. Лёха иногда любил представлять их свадьбу. Познакомились они как-то через Интернет ещё два года назад и с тех пор терпят друг друга, хотя частенько чаша терпения переполнялась, и в отношениях наступала пауза, которая, как правило, длилась не больше недели и заканчивалась влюблёнными, полными обожания взглядами. Лёха полагал, что в серьёзных отношениях частые ссоры неизбежны. Сам он, играя по жизни роль весельчака, не подавал виду, что как-то расстраивается из-за ссор с любимой девушкой, и после очередной ссоры, которая заканчивалась тем, что Лена демонстративно уходила из Лёхиной квартиры, приятель Максима в свою очередь демонстративно говорил своим друзьям: «Да пошла она, потаскуха тупая». Наверное, он это говорил, чтобы показать всем, что у них с Леной серьёзные отношения. Хотя Максим знал, что Лёха на самом деле очень переживает из-за этих ссор. Как-то он сказал Максиму, что у него даже один раз заболело сердце после очередной из таких размолвок.

Полной противоположностью Лёхи во взаимоотношениях со своей любимой девушкой был Андрей Иванов. Этот приятель Максима познакомился со своей второй половинкой Катей на одной вечеринке. В первый день ни у него, ни у неё не возникло мысли об их возможных серьёзных отношениях. Катя тогда здорово напилась, вернее, её напоили многочисленные приятели Андрея, которые пытались воспользоваться Катиним опьянением для удовлетворения своих сексуальных желаний. Они и Андрею предлагали принять участие в осуществлении своей затеи. Но тот отказался, потому что предметом его внимания в тот день была другая девица – Маша. Маша была ростом всего сто пятьдесят сантиметров, лицо её всё было усыяно прыщами. Говорить она любила много, но как только разговор начинал обретать смысл и логику, Маша быстро скисала и делала вид, что ей беседа неинтересна и она вот-вот уйдёт домой. В тот вечер Маша тоже прилично напилась, и Андрей оставил её у себя дома. И оставлял он её так ещё в течение двух недель. Но как-то раз – ни с того ни с сего – высадил её из своей «девятки» посередине трассы, на полпути к её дому.

И в этот же день судьба послала Катю на путь Андрея. Это был второй раз, когда Андрей увидел свою будущую девушку. Компания была та же, что и две недели назад. Но просто так на этот раз Андрей не собирался отпускать Катю. В отличие от Маши, Катя была довольно симпатичной. Если бы она одевалась как девушка, а не как мальчик, то её можно было бы назвать даже красивой. Так что, можно сказать, Андрей решил пойти на повышение. Весь вечер он не отходил от Кати, предлагал ей съездить в кино или к водохранилищу позагорать. Сперва

Катя уваливала от ответов, объясняя, что уже договорилась пойти гулять с девчонками, но что она не против съездить покупаться вместе с ними. Андрей согласился на условия Кати. И на следующий день он в окружении четырёх девушек сидел на берегу водохранилища.

Он ждал момента, когда сможет остаться один на один с Катей, момента, когда Катины подруги, все трое, войдут в воду. И этот момент наконец-то настал, и Андрей предложил Кате стать его девушкой. Катя сказала, что она подумает. И думала она целый месяц, в течение которого отношения между Катей и Андреем оставались исключительно дружескими. Хотя в душе обоих уже давно расцветала любовь. Иначе как объяснить то, что Катя не позволяла месяц целовать себя Андрею, постоянно грубила ему и высказывала недовольство?! Изредка в компании старых приятелей она садилась на колени к какому-нибудь парню, для которого была не больше, чем предмет интерьера. Иногда Катя садилась на колени к парню прямо на глазах Андрея, что заставляло сердце Андрея бешено колотиться в груди. Иногда демонстративно целовалась с кем-нибудь. Обычно это происходило после того, как Андрей не звонил ей в течение двух и более дней, что приводило Катю в негодование и одновременно отдаляло время их первого с Андреем поцелуя. Интересно, что тот парень, с которым Катя целовалась, сидя у него на коленках, не звонил ей ни разу и вряд ли знал номер её телефона, равно как и её адрес, место учёбы, а возможно и её имя.

Катя и Андрей скоро будут отмечать год. В тот день, с которого начинается отсчёт, Катя сказала «Да». С тех пор она перестала целоваться с кем попало, но их отношения с Андреем от этого лучше не стали. Катя не позволяла Андрею не обращать на неё внимания в компании больше чем на пять минут. Иначе происходили ссоры, одна из которых заставила Андрея прослезиться прямо на глазах приятелей. Хотя, надо сказать, что ссорились Катя и Андрей мало, значительно меньше, чем Лёха с Леной, потому что Андрей старался выполнять все требования своей любимой.

Другим приятелем Максима был Клим – весёлый толстяк. Был также у Максима ещё приятель Саня. Он отличался весьма буйным характером. Характер этот проявлялся под действием алкоголя. Саня мог разбить стекло в подъезде или в машине, когда у него было плохое настроение; мог встать посередине дороги, оглянуться по сторонам, увидеть вокруг себя множество народа и, несмотря на это, справить нужду; мог просто орать часами какую-либо приевшуюся глупость.

Ещё четыре приятеля Максима составляли квартет группы «Кранч Фактор», на репетиционной базе которых чаще всего и собиралась вся компания. Группа «Кранч Фактор» была довольно известной в Зеленограде, частенько её приглашали на крупные городские концерты. Но редко «кранчи» отзывались на эти приглашения. И не то чтобы им это было неинтересно. Просто желание попить пива и покутить всегда ценилось у «кранчей» выше, чем репетиции концертных программ. Лидером группы считался басист Гена. И нельзя сказать, что Гена больше других понимал в музыке, скорее, наоборот. Просто Гена имел определённые черты характера, которые позволяли ему командовать и наводить дисциплину. А дисциплина у «кранчей» здорово хромала. Гена пил значительно меньше своих товарищей. Водку и другие высокоградусные напитки вообще принципиально не пил.

А вот у барабанщика Гарика таких принципов не было, поэтому у него нередко происходили конфликты с Геной. Гарик после каждой пьянки обещал бросить пить, но, как правило, его хватало не больше чем на два дня.

Соло-гитарист Тёма напивался ещё чаще Гарика. Он приходил на базу пьяным через раз. Только Тёма никогда не говорил, что он думает бросить пить. На критику Гены он закрывал глаза в прямом и в переносном смысле и вообще всем своим видом показывал, что знает, что делает, и что не надо его учить.

Ритм-гитарист Женя напивался крайне редко, но на репетиции он приходил нечасто, за что и получал от Гены свою порцию критики.

Репетиционная база «кранчей» располагалась на бомбоубежище, которое продолжало так называться, несмотря на то, что уже давно превратилось в мебельный магазин, в котором Гена работал. Его начальник, зная, что Гена любит музыку, выделил своему подчинённому небольшую каморку. Так что Гена был, можно сказать, хозяином базы. Возможно, именно поэтому он и любил поважничать.

В компании Максима бывали и девчонки из числа тех, кто не являлся чей-либо девушкой. Только они, как правило, долго не задерживались, если никто к ним не начинал приставать. А если кто-то и затевал отношения (чаще других это был Гена), то задерживались, но ненадолго, до тех пор, пока не открывалось, что почти у всех здесь собравшихся молодых людей есть любимые девушки. У Гены тоже была любимая девушка Полина, на которой он в ближайшем будущем собирался жениться. Полину он любил очень сильно, по крайней мере, он так говорил. Однако любовь к ней не мешала Гене сильно любить случайные связи с девушками лёгкого поведения.

И только две девушки были постоянными свидетельницами беспорядков, происходящих на базе. Это Тома и Лиза. Непонятно, что их вытаскивало вечером из дома и заставляло приходиться в прокуренную коморку, где над ними чуть ли не каждый день откровенно издевались. Но раз они всё же ходили на базу, значит, им это доставляло удовольствие. Возможно, они рассчитывали, что Гена когда-нибудь осчастливит одну из них, завалив на диван. Но Гена не выказывал своей заинтересованности Томой или Лизой. Да и вообще обеим мало уделял внимания, лишь изредка пукая им в лицо.

В шесть часов вечера Максим был уже на репетиционной базе. Он обрадовался, узнав, что Тёма и Гарик где-то пьянствуют и на базу придут позже. Максиму больше нравилось слушать человеческий голос, чем музыку в исполнении «кранчей».

Максим узнал, что позже подойдёт Саня. Все же остальные были уже на базе.

– Какие люди! Что-то тебя давненько не было видно, – сказал Клим, который был уже пьян.

– А что мне здесь делать – среди алкоголиков? Я спортсмен, – в шутовском тоне ответил Максим.

– С каких это пор ты стал спортсменом?

Максим много раз рассказывал, что он бегаёт по утрам, но каждый раз ему приходилось рассказывать об этом снова. Впрочем, все остальные постоянно говорили одно и то же несколько раз, но информация всё равно не запоминалась участниками компании. Где кто работает, где кто учится, кто чем занимается – всё это как будто не интересовало участников компании. Объяснить это можно, несомненно, только тем, что участники компании просто стыдились своей жизни, своей биографии и вообще не могли представить, что о своей жизни можно рассказывать с удовольствием, поэтому любые вопросы и ответы, связанные с биографией приятеля, они считали лишними и неуместными, а потому и недостойными запоминания. Несмотря на это, все излучали позитив, позволяющий посторонним предположить, что собравшиеся на базе ребята – самые счастливые в мире, что их жизнь насыщена интересными событиями и полна радостных ощущений.

Слова участники компании вообще не запоминали. Запоминали только манеру общения, которая давала о человеке необходимую для них информацию. Возможно, если бы Максим ворвался на базу с радостным криком: «Я сегодня бегал в лесу и познакомился с очаровательной девушкой!», тогда бы на него обратили внимание. Нет, их бы не заинтересовало, что это за девушка и как Максим с ней познакомился. Они бы просто стали более внимательны к Максиму, налили бы, например, ему пива или предложили погрызть сухарики, спросили бы, нравится ли ему та или иная песня или машина, несмотря на то, что Максим не разбирался в машинах, о чём он не раз говорил.

– Разве ты не знал, что я бегаю ещё со школы?

– А, это у нас, что ль, в лесу? Ясно. У меня на работе есть один пацан. Он тоже бегают. Он вообще какой-то...

Максим уже много раз слышал историю про ненормального слесаря на работе Клима. И всё время Клима рассказывал эту историю после того, как Максим упоминал о своих занятиях бегом.

– И ты хочешь сказать, что все бегуны – такие, как тот твой приятель? – спросил Максим, вспоминая Свету. Вот кто самый нормальный человек на свете!

– А ты что, серьёзно хочешь этим заняться? – вопросом на вопрос ответил Клима.

– Ну, у меня вообще неплохо получается. В будущем, может, стану профессионалом. Годам так к сорока.

– Тогда нечего тебе здесь делать. Здесь накурено, а спортсменам надо беречь лёгкие, – встрял в разговор Гена, и Максим ожидал примерно такой его реакции. Именно поэтому он говорил неуверенно, полусуто. Так-то он был уверен, что скоро станет профессионалом. Просто он не хотел, чтобы ему кто-нибудь завидовал. Гена гордился тем, что из всех парней в компании он курит и пьёт меньше всех, поэтому ему было неприятно терпеть присутствие в его владениях человека, способного отобрать у него титул Мистер Трезвость. Он получал удовольствие при виде пьяных Тёмы и Гарика, и группа «Кранч Фактор», несомненно, распалась бы быстрее, если б Тёма и Гарик бросили пить, нежели если бы они же стали напиваться ещё чаще.

– Ничего страшного с моими лёгкими не случится, Ген.

– А чем ты будешь зарабатывать себе на жизнь до тех пор? – спросила Тома.

– Где ты учишься? – недоумённо спросил Клима.

Максим объяснил одному из лучших своих друзей, что он уже перешёл на второй курс факультета по психологии. При этом Максим следил за выражением лица Гены, у которого было восемь с половиной классов школы, поэтому он не любил, когда в его присутствии говорят об университетском образовании.

Разговор начинал Максиму надоедать. Он шёл на базу с желанием поговорить, и уже в первые минуты разговора стал сожалеть, что вообще завёл о чём-то разговор. К счастью, на базу вкатились Гарик и Тёма. Последний сразу же завалился на диван, Гарик же сел на стул. Зато Клима устроился прямо в коробке, предназначенной для мусора, сказав, что надо поспать хотя бы минут десять, а то голова не соображает. А ещё через несколько минут подошёл и Саня.

Саня вошёл на базу, где царила тишина, несмотря на то, что сегодня здесь собрались все. Когда Саня здоровался с Максимом, он подумал, что у кого-то сегодня день рождения, потому что Максим появлялся в компании крайне редко, чуть ли не по праздникам. Но когда Саня здоровался с недовольным Геной, сидящим за барабанной установкой голым по пояс и держащим здоровые руки на груди, он понял, что сегодня будничная день. С главной причиной Гениного недовольства Саня не смог поздороваться, потому что она – в лице Тёмы – сопела на диване. И только это сопенье нарушало царство тишины. Были здесь и Тома с Лизой, которым, естественно, происходящее нравилось не больше, чем Гене. Потому что всё недовольство Гены было направлено на алкоголика Тёму и сидящего словно на иголках Гарика, который, казалось, был бы рад стать человеком-невидимкой, а девицам легкого поведения просто нравилось видеть Гену, недовольного ими самими. В коробку, предназначенную для мусора, втиснул своё большое тело Клима.

– И долго это будет продолжаться? – не понятно у кого спросил Гена.

Гарик, хоть вопрос был адресован ко всем собравшимся, на правах алкоголика посчитал, что Гена спросил именно его.

– Череда дней рождений закончилась, поэтому...

– К чёрту, к чёрту, – вскипел Гена, – дни рождения к чёрту! Кому ты здесь собрался пудрить мозги?!

Гарик не знал, что ответить, но ему на помощь пришёл Клим, который своим грузным телом проломил стенку коробки и стукнулся головой об пол. Раздался смех. Улыбнулся даже Гена. Эта улыбка появилась на его напряжённом лице не сразу и как будто означала, что над этим эпизодом Гена разрешает посмеяться, потому что он, этот эпизод, действительно заслуживает внимания.

Клим сразу же встал и вышел на улицу, бросив на прощание матерное слово.

– Сегодня, Гарик, – уже более мягким голосом сказал Гена, – я тебе делаю последнее предупреждение. Ему так и скажи, – пальцем Гена показал на Тёму.

Это последнее предупреждение было уже множество раз, и все прекрасно понимали, что никаких дисциплинарных санкций в отношении Гарика и Тёмы Гена применять не будет.

– Парни, мы же должны к чему-то стремиться. Мы всё же люди, и не стоит об этом забывать. Я тоже могу свободное время проводить с Полиной, но я этого не делаю, потому что мне не даёт покоя мысль о том, что можно сделать что-то очень важное. Поэтому я практически каждый вечер прихожу сюда в отличие от Жени, который решил заработать, по всей видимости, все деньги мира.

После этих слов Женя, сидевший в кресле обняв гитару, громко шмыгнул носом. На то, что он что-нибудь скажет в своё оправдание, никто не рассчитывал, ибо иногда Женя производил впечатление немногого.

– А сейчас я больше не намерен никого поучать. Вы все уже люди взрослые и понимаете, что хорошо, а что плохо. Сегодня, как вы понимаете, полноценной репетиции не получится, поэтому я предлагаю немного расслабиться. Но это вовсе не означает, что такое будет продолжаться и впредь. Августовский концерт в «Арене» никто пока не отменял.

И, словно бы поставив жирную точку после своих слов, Гена открыл бутылку пива, которую Саня только что принёс, и сделал большой глоток.

В помещении было слишком душно, и было решено вынести стулья и кресла на улицу, сидеть и пить пиво, которое принёс на базу Саня. И всё сразу забылось. Разборки, ссоры, концерты. Всё это ушло на второй план. А на первый вышло пиво и тёплый июньский вечер. Когда вернулся Клим, неся на своём могучем плече ящик пива, на лицах каждого за исключением Жени и Тома с Лизой нарисовались улыбки.

– Я решил, что на сон уходит слишком много времени. Поэтому буду гулять до утра и прямо отсюда пойду завтра на работу, – сказал Клим, после чего раздался дружный хохот.

– Только не надо будет всего этого завтра или послезавтра. Хватит, – сказал Гарик, указывая взглядом на ящик пива. – От этого можно разучиться думать.

Опять смех. Больше всех смеялся сам Гарик. Хотя через несколько секунд все уже смеялись над Гариком, когда к нему неслышно подошёл сзади быстро проснувшийся Тёма и наклонил его стул. Расплескав пиво, Гарик громко ругнулся и укоризненно посмотрел на Тёму, после чего развил тему, которая, как думал Гарик, будет приятна Гене:

– Я не хочу, чтобы меня каждый день уносили отсюда. Мне и трезвым нравится быть. Напиваться надо, когда происходит какое-нибудь значимое событие. Например, концерт.

Андрей с Катей собрались уже идти домой. В это время обычно уходил и Лёха, когда он был вместе с Леной, но сегодня они до сих пор находились в ссоре, и Лёха был весел.

Посидев на свежем воздухе, все вернулись в каморку. Чтобы совсем не сопреть, было решено открыть дверь. Музыканты взялись за свои инструменты, зазвучала музыка. Играли самые известные песни группы «Металика», и это радовало всех собравшихся. Потому что песни собственного сочинения «кранчей» были, что называется, на любителей, которых среди собравшихся не было, что не мешало им тусоваться на базе чуть ли не каждый день и даже ездить поддерживать музыкантов на концерты и скандировать там, какие они классные.

Смолкла музыка лишь после того, как пришёл молодой папа, пожаловавшийся, что из-за открытой на базе двери его ребёнок не может заснуть. После этого часть компании осталась на базе, а часть вернулась на улицу. Среди тех, кто вернулся на улицу, были Саня, Максим, Гарик, Лиза, Тома, Тёма и Клим. Гарик к этому моменту уже готов был словить белую горячку, поэтому он осмелился доложить об истинных причинах своего пьяного состояния:

– Лиза, можно с тобой поговорить, моё солнышко? – и, не дожидаясь её ответа, продолжил: – Ты же знаешь, что я редко так напиваюсь. А если напиваюсь, значит, на то есть причина. И причина на этот раз в тебе, Лиза. Я тебя люблю уже давно и, прекрасно понимая, что такая девушка, как ты, даже не посмотрит в мою сторону, я ужасно переживаю. Нет ничего хуже безответной любви. Но тебе, наверное, не придётся никогда понять этого. Да какой там наверное – сто процентов никогда ты не познаешь горе безответной любви. Лиза, но скажи мне, есть ли у меня хоть какие-то шансы? Только подумай хорошенько. В случае отрицательного ответа ты можешь меня больше не увидеть.

– Гарик, ты что-то, по-моему, несёшь какую-то ахинею, – вставил слово Клим, которого происходящее начинало напрягать.

Лиза к этому моменту сама уже была пьяна, настолько пьяна, что не смогла даже сесть на стул, предпочитая сидеть на грязном бетоне. Сейчас она представляла собой жалкое зрелище.

– Ой, Гарик, отвали от меня. И без тебя плохо, – пропищала Лиза.

– Значит, шансов никаких?

– Я сказала тебе: отвали от меня.

И Гарик направился своей быстрой походкой наверх. Правда, походка стала значительно медленней ближе к самому верху. Лиза на самом деле даже не посмотрела в его сторону. Она сидела, опустив голову на колени. Из её рта почти до земли свисала слюна. И именно в таком виде Лиза предстала перед двумя девушками, которые заглянули в этот вечер на базу, как только ушёл Гарик.

– Привет, ребята. Привет, девчонки, – сказала одна из них, та, чей вид говорил, что она будет пообщительнее своей подруги. – Что-то вас давненько не было слышно. Мы уж думали, что никогда нам не удастся с вами познакомиться.

Девушки сами были под градусом, наверное, именно поэтому они задержались на базе, потому что любому трезвому человеку эта компания показалась бы ужасной.

– Меня зовут Вика, а это Галя. Мы давно уже подслушиваем ваши репетиции. И только сегодня осмелились сообщить вам о том, что являемся вашими поклонницами.

Вика была совсем не похожа на всех тех девчонок, которые когда-либо переступали порог базы «кранчей». У неё были кудрявые, выкрашенные в рыжий цвет волосы. Было видно, как много времени Вика уделяет своей причёске. Одета она была в дорогие вещи, которые явно не заслуживали участи провонять табачным дымом и сыростью, которые неизбежно прицеплялись к любой одежде на репетиционной базе. И лет ей было не меньше, чем двадцать три. Подруга её, хоть и не была роскошно одета и вообще выглядела попроще – во многом из-за полноты, тем не менее, производила впечатление девушки, которой вряд ли часто приходится находиться в компании, где некоторые девчонки сидят на грязном асфальте, выворачивая нутро.

И было непонятно, что этих девушек сюда привело.

Гена, естественно, нашёл этому очень простое объяснение: одна из подружек хочет его. Именно его, а не кого-то другого. Как только Гена услышал незнакомые женские голоса, он поспешил показаться, не забыв при этом вновь снять футболку, которую он надел ближе к вечеру.

– Добрый вечер, – эта фраза прозвучала так, как будто Гена сказал: ну, так уж и быть, я не против с вами переспать.

– Привет, – только и ответила Вика.

Девчонки оказались общительными и разносторонне развитыми. Они в любом из присутствующих на базе находили что-либо позитивное, умели разглядеть индивидуальность, с каждым пытались поговорить. Особенно Вика. Она переговорила со всеми, даже с Женей, который далеко не со всеми охотно вступал в разговор и поразил Вику своими музыкальными способностями (среди «кранчей» он один был способным музыкантом) и умением самому делать гитары на заказ. Менее всего на девчонок произвёл впечатление Его высочество Гена, о чём Вика не побоялась заявить вслух. Гена сей возмутительный факт объяснил на следующий день таким образом:

– Да они просто тупые потаскушки.

Больше всего внимания Вика уделила Сане. Он ничем, по сути, не отличался от Гены. И тот, и другой любили болтать без умолку. Речи и того, и другого были пусты и примитивны. Но только Саня, в отличие от Гены, делал вид, что он прекрасно понимает всё скудоумие своих речей, и, возможно, именно поэтому произвёл на Вику самое положительное впечатление. Весёлый парень и при этом не зазнаётся.

У Вики была дача, куда она пригласила на выходные всю компанию. Только у «кранчей», разумеется, были другие планы. Женя и, в особенности, Тёма с удовольствием бы съездили на дачу, но Гена им не разрешал. Репетиции, репетиции и ещё раз репетиции. Никаких гулянок. Тёма мог бы возразить, но, видимо, не так уж сильно ему хотелось на эту дачу. И он был готов провести выходные в пропахшей сыростью базе чисто в мужской компании (Лиза и Тома тоже собирались на дачу, их Вика не забыла пригласить).

Разошлись домой, когда солнце уже стояло высоко в небе. Саня, было, хотел проводить Вику, но застенчивость не позволила это сделать. Всё, что он смог, это узнать Викин номер телефона. И на этот номер он сразу, как только пришёл домой, отправил sms-ку: «Приходи ко мне, покувыркаемся». Ответа он не получил.

Глава третья

Всё временно! Всё временно!

Утром Максим не отправился на пробежку, решив вместо этого подольше поспать. Проснулся он только в час дня. От выпитого накануне болела голова и во всём теле чувствовалась слабость. Заниматься ничем не хотелось. И Максим бы почувствовал недовольство собой, если бы не нашлось уважительной причины уйти из дома. А ссора родителей была, несомненно, уважительной причиной: чтобы чем-то заниматься, человеку необходим покой.

Ссора родителей – это неправильное выражение. Правильное – обострение ссоры. В ссоре они находились, наверное, с момента знакомства и по сей день. Отец и мать Максима друг в друге каждый видел виновника своей загубленной жизни. Хотя вряд ли их жизни сложились бы иначе, если бы они не познакомились и не поженились. И вовсе не потому, что какая-то колдунья в деревне, где родилась мать, предсказала матери несчастливую личную жизнь, о чём мать любила рассказывать. Просто есть люди, которые не способны быть счастливыми, потому что они не знают, что такое счастье. Что такое несчастье они знают из телевизора или других источников информации. В общем, семейство Погожиных относилось к несчастливым семействам.

Отец Максима Леонид Погожин уже давно лечил своё несчастье водкой. Впрочем, пить он начал ещё до того, как стал несчастным. Только он об этом не догадывался. Он же пристрастился к алкоголю и мать Максима Валентину Погожину, которая объясняла своё увлечение алкоголем временной скукой. Всё временно! Всё временно!

Но временная скука затягивалась, а вместе с ней деградировало и поведение Валентины. Всё чаще она напивалась до потери памяти. И если поначалу ей было плохо на следующий день, то теперь организм её привык к разрушающему эффекту алкоголя. И Валентина могла уходить в длительные запои. Пила она обычно одна, изредка – с Леонидом. Причём совместные пьянки, как правило, заканчивались дракой. Несколько раз соседи вызывали милицию, когда посередине ночи из квартиры Погожиных раздавались крики. Но на своих ошибках Леонид и Валентина не учились и продолжали иногда выпивать вместе. Вряд ли они могли испытывать друг к другу что-то похожее на чувство ненависти. Обычно уже на следующий день после серьёзной ссоры или даже драки они могли вполне мирно разговаривать друг с другом.

Валентина, когда напивалась, полностью теряла контроль над своим поведением, теряла страх, и именно её язык был главной причиной ссор и драк. Именно она провоцировала Леонида.

Работала она продавцом в супермаркетах. Наверное, не осталось в городе супермаркета, в котором бы Валентина не поработала. Леонид же работал на каком-то производстве, где вполне можно было совмещать работу с похмельным образом жизни. Иногда, чтобы заработать побольше денег, Леонид работал целыми днями без выходных. В эти дни Максим чувствовал себя более-менее спокойно. И напротив, он чувствовал себя ужасно, когда отец был, как сейчас, в отпуске.

Вообще Максим никогда не вмешивался в разборки родителей. То, что происходило на его глазах, не было похоже на жизнь людей, а разнимать животных и пытаться отучить их грызть друг друга, малоперспективно. Уже в детстве, когда родители ещё не окончательно спились, ему приходилось наблюдать многочисленные ссоры. Тогда мать поздно возвращалась домой, часов в одиннадцать вечера, а отец к этому времени уже, как правило, успевал влить в себя немало сорокаградусной жидкости. Иногда отец приводил с работы одного из своих приятелей, мать это безумно не любила. Тогда и начинались самые крупные ссоры.

Была ли какая-нибудь возможность предупредить алкоголизм родителей Максима? Или всё было предрешено? Тогда Максим никогда бы не подумал, что его мать сопьётся. Напротив,

он думал, что эта женщина ненавидит алкоголь. Как же иначе можно объяснить то, что она ругает пьяного отца? Он не догадывался, что Валентина иногда просто-напросто завидовала Леониду, как может завидовать человек, который из-за работы не попал на праздник. Если у отца ещё оставалась водка, мать выпивала часть её, но Максим не видел в этом ничего предосудительного. Он упорно продолжал считать мать святой, иногда даже предостерегал её от обвинений в адрес отца, говорил, что пускай, мол, он пьёт, главное, ты сама не пей. Но чаще всего он ложился спать до возвращения матери. Он лежал в кровати, не смыкая глаз, чутко реагируя на каждый звук, доносящийся из кухни или других комнат. Когда мать заходила к нему, он прикидывался спящим. Он считал, что родители не будут громко кричать, если будут думать, что он спит. Но это было совсем не так. Из детства Максим вынес урок, что спокойно можно чувствовать себя не тогда, когда спишь ты, а когда спят люди, окружающие тебя. И поэтому он полюбил ночь. Поэтому стал откладывать всё самое интересное на это время суток, когда родители спали, поэтому стал бесшумным, словно тень.

Очень часто мать говорила гадости про бабушку, мать отца. Это особенно раздражало Леонида, и Максим удивлялся, как мать этого никак не поймёт и не перестанет говорить плохое про бабушку в его присутствии. К тому же Максим считал, что бабушка не заслуживает оскорблений. Когда она была в гостях, а было это как минимум раз в неделю, Максим радовался – все его страхи отступали, пока бабушка была у них дома.

Отец же в свою очередь обзывал родственников матери, в особенности её сестру, тётю Зину. И тётя Зина наверняка догадывалась о том, что муж её сестры не особо жалуется её, и поэтому никогда не приезжала в гости. Только разговаривала с Валентиной и Максимом по телефону. Тётя Зина ругала мать за то, что она не следит за своим языком, обзывает свекровь и за многое другое. И Максим всегда был согласен со словами тёти Зины. Он думал, что тётя Зина переживает за него, и считал, что она одна понимает его, поэтому ему было неприятно слышать, когда отец называл её зажавшейся коровой.

Повзрослев, Максим во время ссор родителей просто уходил из дома и шёл либо к приятелям, либо, если все приятели были заняты своими делами, гулял один вокруг района. Тогда он покупал пачку сигарет и мог в течение трёх часов полностью выкурить её. Хотя в обычные дни он вообще не курил, потому что курение не вязалось со спортивным образом жизни, который Максим старался вести. Ему приходилось слышать о проблемах в других семьях, но о проблемах в своей семье он никогда никому не рассказывал. Если бы кто-нибудь из друзей узнал о том, что происходит у него дома, Максим бы сторел со стыда. Возможно, именно то, что Максим не говорил ничего плохого о семье, то есть не говорил о ней ничего, стало причиной того, что его семью друзья стали считать образцовой. Саня или Лёха, с которыми Максим больше всего общался, любили иногда сказать что-нибудь вроде: «А у тебя разве такое бывает?». Конечно же, Максим говорил, что у него такого не бывает.

Его отец не знал никого из друзей Максима. Он считал, что Максим должен сам ему рассказывать о том, с кем он общается. А Максим о своих друзьях не рассказывал родителям, так же как не рассказывал друзьям о своих родителях. Только раз пять к нему в гости заходил Саня, и раза два Гарик. Поэтому этих двух приятелей Максима знала Валентина. Гарика она терпеть не могла.

– По нему видно, что он алкоголик или наркоман. Нечего с такими водиться, – любила говорить Валентина, хотя при желании она могла бы взглянуть в любой момент на ещё большего, чем Гарик, алкоголика.

Саню же Валентина почему-то полюбила. Она частенько ставила его в пример Максиму.

Сейчас, когда Максим услышал пьяные голоса родителей, раздающиеся с кухни, ему захотелось стать глухим. Валентина и Леонид пьянствовали ещё со вчерашнего вечера. Это Максим понял, когда вернулся сегодня утром домой. Квартира пропахла водкой и объедками.

Максим встал и бесшумно нырнул в ванную, где стал наполнять ванну, сделав максимальным напор воды. Таким образом Максим пытался заглушить звуки, которые доносились с кухни. Когда ванна наполнялась до краёв, он спускал воду и ждал, когда она наполнится снова.

Через полчаса Максим вышел из ванной. С кухни слышалось бормотание матери, но было очевидно, что это затишье перед бурей. Хотелось выпить чашку чая, но, заглянув на кухню, Максим понял, что из дома надо уходить сейчас же. На кухне мать закидывала руками себе в пьяный мерзкий рот салат. На её лице не наблюдалось признаков интеллекта. Она что-то бубнила себе под нос и изредка, когда в её мозгу, видимо, всплывал какой-то образ, довольно громко и ясно говорила: «Валя, Валя, успокойся, успокойся».

Максим бесшумно заглянул и в комнату отца. Леонид лежал с закрытыми глазами, но не спал, а это означало, что, стоит только сказать Валентине что-нибудь погромче, он будет готов кинуться на неё с кулаками. А в том, что Валентина непременно скажет что-нибудь погромче, сомневаться не приходилось: нарастающий шум на кухне ясно говорил об этом.

Неимоверное облегчение почувствовал Максим, когда двери лифта захлопнулись за ним. Чем чаще ему так приходилось уходить из квартиры, тем значительней становился его образ жизни, все его действия, направленные на самосовершенствование. Он вспомнил о девушке, с которой он больше всего на свете хотел вчера поговорить, что в итоге ему удалось. Когда он сидел на бревне и смотрел, как от него стремительно удаляется стройная фигура, то думал о том, что незнакомые люди всегда смотрят друг на друга как на абсолютно чуждых. Но стоит только получше узнать нового знакомого, стоит только открыть душу... Но, как правило, люди не дают друг другу шанса раскрыть душу. А сейчас Максим подумал уже о том, что если шанс всё-таки представляется, то он практически никогда не приводит к душевному сближению. Скорее наоборот. Неужели Максим понравился бы Свете больше, если бы она узнала о его родителях? Если бы она узнала о его друзьях? Если бы она узнала, что Максиму частенько приходится ходить вокруг района? Потому что иного выхода из ситуации просто нет. Нет! Нет! Нет!

Вместо того чтобы бродить сейчас вокруг района, Максим решил сходить в лес, на то самое бревно, где он вчера, как ему казалось сейчас, был счастлив. Был счастлив, хоть не замечал этого. На окраине леса играли дети. Они с длинными палками охотились на белок, которые то тут, то там ловко забирались на макушки деревьев. Хоть был самый разгар жары, погода всё-таки была терпимой, и многие, как и вчера утром, загорали. Всё происходящее сейчас в этом лесу резко контрастировало с тем, что Максим видел у себя дома. И от этого казалось, что Максим просто не имеет права находиться здесь. Ему думалось, что он принёс с собой в лес тот самый запах водки и объедков, который царил в их квартире.

Максим просидел в лесу целый час, затем пошёл в магазин за сигаретами. Немного денег у него было: Максим подрабатывал автором поздравительных текстов. Писать позитивные стихотворения у него, несмотря на негативную домашнюю атмосферу, получалось неплохо. Но вот заработать много денег таким способом было невозможно. И Максим уже давно искал себе другую подработку. Хотя при этом он не собирался забывать о своих занятиях психологией.

Купив сигареты, Максим сел на лавку недалеко от своего дома. Он боялся, что его увидит кто-нибудь из знакомых. Гулять один, как ему казалось, может только кретин. Максим курил через каждые двадцать минут по сигарете. И всякий раз, когда двадцать минут проходили, он испытывал радость. И эта радость должна была развлекать Максима на протяжении нескольких часов, до тех пор, пока не настанет вечер и компания не соберётся на базе. Сейчас Максиму как никогда хотелось видеть своих приятелей, желательно всех сразу. Когда много народа, можно ни о чём не говорить, просто сидеть в своё удовольствие. И из-за предстоящей встречи с друзьями и завтрашней поездки к Вике на дачу у Максима было не так мерзко на душе, как могло бы быть.

Глава четвёртая

Какая атмосфера? Какая компания?

На следующий день вся компания, а именно: Максим, Андрей Иванов, Катя, Вика, Галя, Клим, Лёха, Саня, Тома, Лиза и Гарик, который, похоже, собирался заканчивать карьеру музыканта группы «Кранч Фактор», разместилась в трёх автомобилях. У Вики и у Гали были собственные машины. Третьим водителем был Андрей Иванов. Как раз в его машину хотел попасть Максим, самую спокойную, как ему казалось, но незадолго до выезда Андрей поругался с Катей, и поэтому Максим решил сесть в машину Гали, дабы не стать свидетелем продолжения ссоры. В итоге в «девятке» Андрея поехал только он сам и Катя.

До дачи было пятьдесят километров. Пятьдесят километров веселья. А затем ещё целый день веселья. По крайней мере, все думали, что им будет весело на даче Вики. И даже не в пути до дачи, нет, а именно на даче. Да разве может там быть скучно? Это же дача!

Максим потом не пожалел, что поехал в одной машине с Климом, Саней, Гариком и Галей. Саня был молчалив и как будто не рад поездке. Гарик же напротив, источал веселье, постоянно рассказывал шутки и истории из жизни. Совсем не таким Гарик был позавчера. Но Галя, а именно для Гали Гарик старался, его не видела позавчера; они с Викой подошли тогда на базу, как раз когда Гарик ушёл. Поэтому девушке вряд ли могло прийти в голову, что парень, смеющийся позади неё, только позавчера высказывал мысли о своём возможном самоубийстве. Клим с переднего сиденья активно помогал Гарику разговориться, поддерживая его шутки, смеясь над ними больше всех. Максим за всё время пути внимательно следил за взглядом Гали в зеркале: ему нравилось изучать поведение незнакомых людей. Иногда их взгляды встречались в зеркале, и тогда Максим резко отводил глаза в сторону. Но чаще, как показалось Максиму, Галя смотрела на Саню. И непонятно было, чего в этом взгляде больше – уважения или опаски. Даже если бы Максим знал о том, какие Саня писал sms Вике в первый день их знакомства, он бы всё равно не мог наверняка сказать, тревожный взгляд у Гали или исполненный уважения.

Уже подъезжая к даче, они попали в пробку. В течение нескольких минут движения не было вообще, затем машины проехали несколько метров и опять надолго встали. Впереди, в машине Вики, открылась дверь, и вышел Лёха.

– Никто не хочет в туалет? – спросил он.

– А если сейчас пробка рассосётся внезапно? – сказала Галя.

– Да чёрт с ней. Подождут сзади, – сказал Максим, выходя из машины. Он уже успел выпить две бутылки пива и о туалете мечтал давно. Если бы не Лёха, сам бы он побоялся спросить у Гали разрешения.

Рядом не было ни одного дерева, и пришлось справлять нужду на виду у всех участников движения. Впрочем, никто не был против. Наоборот, из машины, которая стояла немного позади, вышла компания молодых людей, которые явно были рады, что кто-то показал пример, как вести себя в трудной ситуации. Максиму показалось, что над этим участком трассы раздаётся смех, хотя на самом деле никто не смеялся. Многие только улыбались. И эти улыбки, казалось, соединились в одно целое, изменив химический состав воздуха, сняв витающее в нём напряжение.

Максим вернулся в машину, где пахло пролитым пивом и табачным дымом. Ему подумалось о том, что он предаёт все свои занятия, которые в последнее время составляли основу его жизни; предаёт лес, в котором он обычно в это время бегал; предаёт большую поляну, вокруг которой бегала девушка в жёлтой футболке и чёрных шортах. Казалось, с каждым глотком пива и с каждым километром он удаляется всё дальше и дальше от своей прежней жизни. Так всё было не похоже сейчас на то, что происходит обычно!

Простояв в пробке около получаса, они наконец-то доехали до дачи. Дом Вики выглядел шикарно, по крайней мере, шикарным он показался Максиму, который не шибко разбирался в загородных домах. Внутри же дом оказался самым что ни на есть обыкновенным. Пустые комнаты наводили скуку. Причём не только на Максима, но, похоже, на всех. Даже Гарик, который не затыкался всю дорогу, стал молчаливым, как только вошёл в дом.

– Кто у нас умеет готовить? – поинтересовалась Вика. – Я так хочу жрать. Продуктов-то много, но их надо ещё приготовить. – Ну, давайте, Максим, Гарик, Клим, что вы встали? Тащите все сумки сюда.

Галя открыла багажник, вытащила сумку и протянула её Максиму.

– Всё, к чёрту эту машину. Вика, где у нас там пиво? Теперь можно наконец-то оторваться.

– Надо парней искать с правами, а то мы совсем с тобой засохнем, – сказала Вика, кидая своей подружке банку пива.

– Да уж лучше без прав, зато с мозгами. Вспомни некоторых персонажей.

– Ладно, давай не будем о плохом, – серьёзным тоном ответила Вика.

В два часа вся компания отправилась на пляж, расположенный недалеко от участка. Людей загорало и купалось много. Все брызгались, плескались, веселились. Кто-то играл в карты, а кто-то ссорился. Одни играли в волейбол, другие в лесочке жарили шашлык, и приятный запах разносился на всю округу. Вдали на воде нарезали круги два катера.

Но самым главным развлечением для компании Максима, да и для многих других здесь собравшихся компаний, оставался алкоголь. Может, простой разговор мог бы заменить алкоголь или хотя бы навязать ему борьбу за право называться развлечением номер один, но каждый хотел разговаривать о чём-то своём, и в итоге все молчали, налегая на пиво и лишь изредка перекидываясь ничего не значащими словами. Искупаться кроме Гарика никто не рискнул. Максиму показалось, – то ли от тяжести своих собственных дум и планов, то ли от алкоголя, а может, и отчего-то другого – все резко устали, стали ленивыми, всем всё надоело – пляж, летний день, веселье и игры детей, пьяные выходки взрослых, свои же товарищи из компании. Показалось, что все здесь одиноки, несмотря на то, что компания собралась большая. Совсем иначе было в лесу, где Максим бегал. Люди там встречались жизнерадостные, возможно, потому, что ничего не ждали, а просто гуляли по лесу по привычке. Постоянство, постоянство! Самые счастливые – те, кто получают удовольствие от постоянства. «Всё, в следующий раз я тоже буду всем встречным в лесу улыбаться», – подумал Максим. Однако эту мысль он позабыл уже через пять минут.

На пляже компания побыла недолго. Было решено вернуться на участок. Вика активно налегала на алкоголь и пьянела на глазах. Теперь Максиму уже не казалось удивительным, что ей пришлось по душе эта компания. От Томи и Лизы Вика отличалась не сильно. От бывлой доброжелательности хозяйки коттеджа не осталось и следа. Галя пила не меньше Вики, но она не так сильно пьянела. Всем своим видом Галя словно бы извинялась за поведение своей подруги.

– Сейчас она поспит пару часиков и придёт в себя, – говорила Галя.

Но Вика не собиралась спать. Она просто сказала, что не будет пить до вечера.

Максиму довелось стать свидетелем интересного телефонного разговора. Он стоял возле куста красной смородины, растущей у Вики на участке, и украдкой срывал ягоды. Вика, может, его не видела, а может, и видела, только не стала придавать значения его присутствию.

– Неужели ты не понимаешь, – кричала в трубку Вика, – здесь нет больше мест?! Я на даче с друзьями! Тебя здесь мне не хватало!

Кто бы мог подумать, что девушка, которая так грубо разговаривает с кем-то по телефону, ещё позавчера была сама доброжелательность и спокойствие. Как она тогда ко всем ластилась!

– Отвали от меня, кретин! Ты русских слов, что ль, не понимаешь!?! – голос Вики становился всё громче и громче. – И Галя здесь. Никто ей не нужен.

Максим посчитал, что Вика его действительно не заметила. Вряд ли, подумал он, она бы разговаривала в таком тоне, если бы знала, что её может кто-то слышать. Максим присел, чтобы его не было видно. И не потому он это сделал, что хотел подслушать разговор. Просто он не хотел ставить Вику в неловкое положение. Вряд ли бы девушка обрадовалась, если бы узнала, что кто-то из новых знакомых застал её в таком раздражённом состоянии.

– Мне ничего не надо! Всё у меня есть. Мы позаботились обо всём... Всё, короче, отстань от меня и больше не звони сюда! Недоумок!

Разговор закончился, как показалось Максиму, преждевременно. Просто на улицу вышли Гарик и Клим, и Вике пришлось попрощаться со своим приятелем. Иначе Максиму пришлось бы долго ещё сидеть в кустах смородины.

Подождав, пока все снова войдут в дом, Максим вышел из кустов и присел на лавку возле дома. Телефонный разговор тут же вылетел из его головы. Вика может разговаривать с кем угодно и как угодно: ему на это наплевать.

Вечером компания пожарила шашлык, но все к тому моменту были настолько пьяны, что даже и шашлык казался совсем необязательным. Только Вика немного протрезвела к вечеру, но, похоже, ненадолго. Гарик и вовсе уже спал. Лёха тоже. Клим заметно скис и только повторял постоянно:

– Сейчас бы как-нибудь поднять настроение.

Саня же напротив, развеселился только к вечеру. Говорил он теперь больше всех.

К полуночи бодрствовать остались только Максим, Саня, проспавшийся Гарик и Вика с Галей. И вот случилась беда – кончилось пиво. Как же теперь быть? Особенно Гарику, который проснулся совершенно трезвым. Пошли ещё за добавкой. Далеко надо было идти, но расстояние никого не смущало. Максим шатался из стороны в сторону, но продолжал чувствовать себя трезвым как стёклышко.

– Ты как, нормально? Ходить ещё можешь? – спрашивал Саня.

– Всё со мной хорошо, я ещё вас перепью, – отвечал Максим.

А девчонки дружно смеялись, как будто не слышали никогда ничего смешнее этого.

– Как же здесь классно и просторно, – разводил руки в стороны и громко говорил Максим. – Природа – это наше всё. В городе так не пройдёшься.

Говорил вроде серьёзно, но все по инерции продолжали смеяться. Смеялись вообще над каждой фразой, над каждым неуверенным шагом кого-то из товарищей. И от этого хотелось говорить как можно больше. Неважно, что говорить, главное – просто говорить.

– Мне с тобой, кстати, надо кое о чём поговорить, – вполне серьёзно сказала Вика Сане. И только после этой фразы на какое-то мгновение повисла тишина. Но потом Гарик сказал очередную пошлую шутку, и все снова засмеялись. Больше всех смеялась Вика. Меньше всех – Саня.

Возле ночного магазина собралась целая толпа. С некоторыми парнями Вика здоровалась. Да уж, знают её здесь многие. Не всегда, видимо, Вика возит на дачу своих приятелей. Иногда проводит выходные с теми, кто здесь постоянно обитает. О том, что Вика проводит выходные одна, думать не приходилось.

С одной компанией Вика разговорилась. Разговаривали о музыке и о гитарах. Гарик, естественно, не мог не вступить в этот разговор. Кто-то дал ему в руки гитару, и Гарик запел. Пел старые, хорошо всем знакомые песни, и все дружно подпевали ему. Подпевал даже Максим, хотя чувствовал, что у него получается не очень хорошо. У него даже ходить уже получалось совсем плохо. Это он понял, когда упал, сделав неловкий шаг в сторону кустов, где он хотел справить малую нужду.

– Да ты поаккуратней давай, – оборвал пение Гарик. – Назад тебя я не понесу.

К Максиму подошла Галя и прижалась к нему.

– Ты в порядке? – спросила она. – Домой ещё не хочешь?

– Да всё со мной нормально. Я готов пробежать сейчас марафон. Но домой пойти действительно хочется. Поскорей бы Гарик уже закрутился.

– А зачем ждать всех? И неужели ты думаешь, что всё дело в Гарике? Думаешь, Вика стала бы его вот так ждать? Просто ей самой хочется подольше побыть здесь. Видишь вон того парня, – Галя показала на высокого худощавого парня лет двадцати с длинными волосами. – Он как-то предлагал ей встречаться.

Максим не знал, что ему на это ответить. Ему было плевать на Вику и на её личную жизнь.

– А ты знаешь, как идти до дома? – только и спросил Максим.

И они вдвоём пошли в сторону коттеджа. Галя только купила на свои деньги себе коктейль и пиво Максиму.

– Почему мы раньше с тобой не ушли оттуда? – спросила Галя, беря под руку Максима.

Максим не понимал, о чём речь. Такого вопроса он явно не ожидал. И Гале пришлось ему объяснять:

– Просто Вику интересуется тот парень, которого я тебе показала. Друга твоего, Саню, интересуется Вика. Ты же наверняка в курсе, какие любовные sms он ей пишет. А Гарик, похоже, влюблён в музыку. Ему нравится быть в центре внимания, и с помощью гитары у него это легко получается.

Максим не был уверен, что всё так и есть, как сказала ему Галя. О Саниных sms Вике он вообще ничего не слышал. Да и с чего вообще Галя решила, что он обязательно должен быть в курсе всех событий, должен знать, кто кому что пишет, кто на кого имеет виды?

– Да я вообще в этой компании редкий гость, – сказал Максим. – И, может, тех же Гарика, Саню и Вику интересуется просто общение, новые знакомые и новая атмосфера. Может, кто-то просто хочет поддержать компанию.

– Да о чём ты говоришь? Какая атмосфера? Какая компания? Плевать всем на знакомых. Более того, я тебе скажу, что эта поездка вообще не случилась бы, если бы Вике так не понравился этот Саня. Все остальные её даже раздражают. Например, эти две дуры, как их? – Максим не стал называть имена своих старых приятельниц, потому что и он, и Галя прекрасно понимали, о ком идёт речь. – Или же этот толстяк, который постоянно говорит одну и ту же ересь, над которой, якобы, надо смеяться. Или сладкая парочка, которая не пускает никого к себе в машину. Вика считает того парня просто слизнякам. Ну, Гарик – это вообще нечто. Про него Вика уже сегодня успела мне сказать много чего нелестного. Возможно, она немало говорит плохого даже про меня. Да и ты ей, может, несимпатичен, хотя про тебя лично мне она говорила только хорошее. В общем, если Вика кажется тебе такой гостеприимной и доброй, то это вовсе не потому, что она получает удовольствие от общения с новыми знакомыми. Нет, дорогой, Вика преследует свои цели.

Удивительно, но Максим получал удовольствие от слов Гали. И даже не столько от информации о том, что Вика говорила о нём только хорошее, сколько от той информации, что Вика говорила про других только плохое.

– А Саня что, какой-то особенный? – спросил Максим. – Он же ничем не отличается от того же Гарика.

– Ну уж не знаю, что у них там.

– Но ты же говорила про того волосатого парня. Вика же осталась там ради него. И причём здесь тогда Саня?

– Не знаю, с чем это связано. Просто Саня сегодня с самого утра какой-то скучный. К Вике вообще как будто боится приближаться. А тут ещё этот парень повстречался. Да уж, Саня рискует быть забытым очаровательной девушкой.

Максиму вспомнился весь сегодняшний день. Хохочущий Гарик, смотрящий в зеркало на лицо Гали после каждой своей шутки. Неприветливые стены коттеджа, которые всем своим видом отталкивали и словно давали понять, что вы здесь лишние. Скучные лица на пляже. Телефонный разговор Вики. А Галя-то, по-моему, дело говорит, подумал Максим. Да и не такая уж и плохая она девчонка. Когда он её увидел впервые позавчера, да и сегодня утром, она показалась ему обыкновенной и ничем не привлекательной. А сейчас она предстала перед ним в другом виде, более женственном. Да и физические недостатки, такие как небольшая полнота, уже вовсе не казались отталкивающими. Он обнял Галю, после чего та прижалась к нему всем телом. И они долго стояли и целовались на дороге. Затем медленно-медленно пошли к коттеджу. Торопиться было совсем не обязательно: возле ночного магазина их товарищи, похоже, ещё долго будут каждый стремиться к своей цели, используя для этого различные тактики и стратегии, кроме одной, самой главной и, казалось, самой простой, но всё же пока ещё недоступной для большинства социальных животных – простого человеческого общения.

Глава пятая

Что-то ещё месяц назад было веселее

После поездки к Вике на дачу Максим интенсивней стал заниматься саморазвитием, почти полностью забыв о том времяпрепровождении, которое у большинства людей ассоциируется с весельем и радостью, а у некоторых – со смыслом жизни. Только несколько раз Максим встречался с приятелями и только тогда, когда затевалось что-то необычное – будь то шашлык в лесу, катание на лошадях или что-нибудь ещё, отличающееся от сидения в сырой прокуренной каморке на бомбоубежище. Да и то это было в первой половине лета, а затем Максим решил завязать полностью с так называемой дружбой.

Он больше не нарушал режима, который установил сам себе. Пробежки в лесу стали доставлять ему ещё большее удовольствие. Даже в те дни, когда был запланирован отдых от физической нагрузки, Максим всё равно просыпался в девять часов утра, пил чай и шёл в лес, где простым шагом ходил по так хорошо знакомым местам. А затем он либо читал психологию, либо садился за компьютер и писал поздравительные стихи. А в одиннадцать часов вечера, когда темнело и улицы пустели, Максим рассекал вокруг района на велосипеде. Это было прекрасным завершением дня, и Максим всегда с нетерпением ждал этого часа. А когда лил дождь и приходилось забыть о велосипеде, Максим безумно расстраивался. Особенно когда дома происходили попойки родителей – попойки, которые по-прежнему всегда имели печальный финал. Максим с особым чувством на душе проезжал возле того дома, в котором, он знал, жила Света. Очень часто ему мерещилось, что из подъезда выходит она; порою, он даже был уверен, что видит Свету, даже невольно сбавлял ход.

После поездки к Вике на дачу Максиму постоянно стали звонить приятели. Чаше всех звонил Саня, предлагал встретиться, говорил, что все его ждут. Но Максим, как правило, не отзывался на эти предложения, хоть они и доставляли ему определённое удовольствие. Почему-то после Викиной дачи он думал, что приятели про него непременно забудут, ведь так он вёл себя пьяно и скверно. Но оказалось совсем наоборот.

Немало времени Максим уделял и чтению художественной литературы. Он даже записался в библиотеку.

– Молодой человек, что вы хотите? Фантастика и детективы у нас в том конце, – сказала интеллигентного вида библиотекарь, когда Максим в первое своё посещение библиотеки подошёл к полкам, на которых располагалась зарубежная классика.

А во второй раз уже другая библиотекарь, намного моложе, подозрительно рассматривала Максима, пока тот читал аннотации к романам Димфны Кьюсак и Эриха Марии Ремарка. В её взгляде смешались опаска и презрение. Так иной человек может смотреть на какого-нибудь бритоголового юнца, который с самоуверенным видом вдохновенно листает «Майн Кампф». Однако эта библиотекарь не стала отправлять Максима поближе к детективам и фантастике. Она только спросила:

– А что, сейчас ещё продолжается учёба?

Максим сказал, что нет, учёба уже давно закончилась, а читает он просто так, для себя. После этого библиотекарь попросила Максима снять сумку и положить её на диван.

В третий раз Максим в библиотеку не ходил, потому что у него появились деньги на книги. Деньги появились у Максима в результате напряжённой творческой работы. За июль и август он заработал больше, чем за предыдущие пять месяцев вместе взятые. Реализация творческих способностей поднимала дух Максима. И как же было здорово сесть на велосипед после дня, проведённого возле компьютера, после того, как написал стихотворений примерно на полторы тысячи рублей! Здорово было позволить своим глазам отдых. А глаза у Максима

уставали здорово, что являлось одной из причин того, что у него возле дома Светы мерещились одни Светки. Естественно, это была не самая главная причина.

Часто Максим видел своих приятелей тогда, когда уставший возвращался домой в двенадцать часов ночи. Обычно приятели сидели на лавочках в парке недалеко от дома Максима. Чаще всего общение в таких случаях заканчивалось «привет, как дела». Редко кто-нибудь особенно пьяный просил у Максима покататься.

Ближе к осени у Лёхи был день рождения. Максим к тому моменту уже обещал себе, что даже в дни рождения своих приятелей он не позволит дать себе слабинку и влиться в компанию людей, которых он пока по непонятным причинам начинал презирать. И чем больше росло его презрение, тем больше он ощущал значимость своих увлечений и тем чаще ему казалось, что он видит Свету возле её дома. Он не сомневался в том, что ему удастся проявить силу своей личности. Но как только позвонил Лёха, Максим сказал, что придёт. Он, было, попробовал собрать по кускам свою сильную личность, готовясь сказать «может быть», но даже на это его не хватило. Сперва Максим начал корить себя за слабость, но затем понял, что ничего страшного не произошло, что он даже ждал всё это время встречи со своими приятелями. Ведь им есть, что сказать друг другу, много приятных воспоминаний объединяет их.

Однако, как всегда и бывает, праздник оказался намного скучнее, чем можно было ожидать. И сделать его более-менее весёлым не были способны даже фотографирования, весёлые и вдохновённые тосты и передачи по МТВ, которые приковывали всеобщее внимание на протяжении первых двух часов праздника и которые отнюдь не способствовали увлекательному разговору.

Только под конец разговорились; воспоминания буквально нахлынули на участников компании. Инициатором разговора выступила новенькая девчонка Юля, которую Максим видел впервые.

– Что-то ещё месяц назад было намного веселее, – сказала она. – Помните, как ходили в лес на шашлыки?! Или как ездили купаться или играть в бильярд?! А ещё мне понравилось кататься на лошадях. Здорово тогда было! Я тогда как раз сдала последний экзамен. Хотя от этой лошади невыносимо пахло конским потом, скакала она что надо. Ещё мне запомнилось, как Клим ускакал в магазин за пивом. Ну и досталось же нам тогда от хозяина! А как мы играли в волейбол на пляже! Тогда ещё пошёл ливень, и нам пришлось скрыться в каком-то заброшенном доме. Помните, как мы ели сырые сосиски на чердаке, пока ливень барабанил по крыше?

– Подожди, а это разве было в этом году? – недоумённо уставился на Юлю Саня, как будто та напомнила ему какой-то эпизод из его прошлой жизни. – Что-то я не помню, чтобы ты каталась с нами на лошадях. А на шашлык когда это мы ходили?

– Да было такое, – ответила за Юлю Вика. – У меня в тот день ещё расклеился один ботинок. В этом дурацком лесу. А вот когда мы катались на лошадях, не помню. Помню только, что был ты, Гарик... Клим не помню. Когда это он ускакал за пивом?

– Как же, помню-помню, – вставил слово Клим. – Это было на майские праздники.

– На какие ещё майские праздники!? – воскликнула Юля. – Это было в июле!

– Поддерживаю Юльку, – сказала Вика. – На майские праздники мы ещё не были даже знакомы. Как же ты так, Клим, не помнишь, когда познакомился с Викой?

– Да я вообще тогда был убитый, – оправдывался Клим.

– Не, в мае это действительно не могло происходить, – вставил своё слово Лёха. – В тот день, когда вы поехали кататься на лошадях, я как раз участвовал в сражении в «RF-онлайн» против орков, поэтому не смог составить вам компанию. А сражение это было 2 июля. Только вот сосиски мы ели холодные разве не в прошлом году?

– Ты что, в прошлом году я бы с вами не могла там быть! – сказала возмущённая Вика.

– 2 июля. Ничего себе у тебя память! – удивился Саня.

– Сами по себе действия не запоминаются, – вставил своё слово Максим, и тут же воцарилась тишина. – Запоминаются только мысли и чувства, которые человек получает во время действия. И если человек не помнит, что происходило в тот или иной день, значит, у него в тот день просто-напросто не было мыслей и чувств.

– Понятно. Значит, я абсолютно равнодушна к лошадям, – заметила Вика. – Если бы я помнила тот день в мельчайших деталях, это означало бы, что я имею определённые чувства к лошадям. Правильно я тебя поняла, Максим?

– Но почему сразу к лошадям? Там ведь было много людей. Там наверняка было что-то новое. Светило солнце или лил дождь. Возможно, была радуга. Был лес или было поле. Там была, наконец, жизнь.

– Ой, ну ладно, что-то я запуталась. Давайте поговорим о чём-нибудь другом, – предложила Вика.

И разговор закончился.

Когда Максим пришёл домой, он бросил взгляд на кроссовки для бега и подумал, что больше одного дня этим кроссовкам не придётся стоять без дела. Вперёд, вперёд в будущее!

Глава шестая

Завтра соревнования

С возрастом люди меньше уделяют времени дружбе и общению с себе подобными, потому что у них в голове накапливается всё больше воспоминаний и мыслей, которые они ни с кем не имеют возможности разделить.

В том, что Максима ни с кем из его приятелей не объединяют особые воспоминания, он убедился во время празднования Лёхиного дня рождения. Он понял: то, что, по его мнению, должно составлять основу жизни, для его приятелей – сплошная скука и пустяк, не заслуживающий того, чтобы о нём помнить. И потому Максим решил окончательно завязать с так называемой дружбой; он даже начинал находить плюсы в одиночестве.

Ему нравилось замечать изменения, происходящие в природе, когда он занимался ежедневно спортом. Теперь окна машин запотевали по вечерам, когда Максим катался на велосипеде, что напоминало о скором приближении заморозков. Прохладные вечера разогнали всю молодёжь. Парки, которые летом всё время были полны народа, теперь стали безлюдны. А по утрам, когда Максим шёл в лес, на траве лежал иней. Деревья с каждым днём всё больше желтели, а хозяйки собак предпочитали прогуливаться со своими любимцами ближе к дому. В лес им уже не хотелось. И Максим всё это замечал, но рассказать об этом было некому. Хотя, порою, когда мимо проходила какая-нибудь знакомая тепло одетая женщина, которую он помнил ещё с лета прошлого года, как она гуляла по лесу в летнем платье, Максиму хотелось ей что-нибудь сказать только потому, что она была свидетельницей его пробежек уже в течение полутора лет. Хотелось, но он знал, что никогда не заговорит. Да даже если и заговорит, то не добьётся желаемого эффекта.

К шести вечера он ездил в университет. Он перешёл уже на второй курс. И с каждым семестром, с каждым месяцем в университете становилось всё скучнее и неинтересней. Студенты ничем не отличались от его приятелей, пожалуй, в университете только были больше мечтатели.

Вот один разговор двух студентов:

– Ты как едешь на работу – на электричке или на своей «Волге»?

– На электричке.

– И сколько времени уходит на дорогу?

– Два часа, а на машине три. Так что уж лучше на электричке. На фиг мне крутить баранку три часа!

– Не понимаю, зачем ездить так далеко. Денег там, что ль, платят много?

– Ну, как сказать. Расплатиться с кредиторами смогу года через четыре.

– А на что брал кредит?

– На новёхонькую «Шкоду Октавию». На следующей неделе она уже будет у меня.

– Зачем она тебе нужна? Ты же гоняешь на работу на электричке.

– Придётся ездить на машине. Не зря же я взял кучу бабок в кредит.

Или вот ещё одна беседа:

– Я подумываю поступить в аспирантуру. Чтобы потом вообще жить припеваючи.

– Да ну, мне кажется проще получить второе высшее. Вон как мой один знакомый. Сперва окончил медицинский институт. Шесть лет в нём проучился, прикинь. Я уже после третьего курса помышляю о том, чтобы бросить, а он шесть лет вкалывал. Причём он реально учился, готовился ко всем экзаменам, не то, что мы. Он даже, помню, с тогдашней своей девушкой ссорился очень часто из-за того, что мало уделял ей внимания. Всё зубрил свою гистологию или ещё чего. А бабам никогда не понять, что жизнь не заканчивается завтра, что есть будущее и

что лучше сейчас начать устраивать свою жизнь. Ну так вот, потом он получил второе высшее. Кажется, педагогическое. И в итоге он сейчас получает тысяч сто двадцать.

– С девушками теперь он, наверное, не ссорится?

– Да что-то с девушками я его давненько не видел.

– А кем он работает?

– Да что-то вроде менеджера. Продаёт ванны и туалеты. Знаешь, какая там перспективная работа. Нам такая не снилась. Мы же с тобой не можем осилить учебник по общей психологии, а он от корки до корки читал учебники по всяким гистологиям...

Уже на втором курсе многие студенты где-то работали и уделяли работе куда больше внимания, чем учёбе. Работать, естественно, никому не нравилось, поэтому они и продолжали учиться официально, что давало им пищу для позитивных размышлений о своём будущем, делало их существование менее бессмысленным. Все будто надеялись, что их жизнь непременно должна измениться к лучшему сразу же, как только они получают долгожданный диплом. Изменится к лучшему, в их представлении, – это значит, появится возможность купить новые машины и расплачиваться за них не четыре года, а всего лишь два.

Сама учёба была настолько неинтересной, что уже ко второму курсу надоела даже тем, кто действительно учился. В число таких студентов входил и Максим. На разных предметах очень часто говорили одно и то же, что никак не способствовало успешному усвоению материала, ибо даже студенты-хорошисты не знали элементарных вещей, которые должен знать не только психолог, но и просто образованный человек. Что уж тогда говорить про троечников, которые составляли пятьдесят процентов от всего потока. Студенты-отличники же порою знали не только, что Зигмунд Фрейд – основатель психоанализа, а Джон Уотсон – основатель бихевиоризма, но и знали названия дисциплин и умели в них ориентироваться. Для остальных же не существовало ни малейшей разницы между дифференциальной психологией и психологией труда, между культурологией и социологией, между анатомией ЦНС и антропологией. Все предметы они называли по фамилии преподавателя, который читал лекции. Кроме лекций ничего не было. Семинары перестали быть семинарами ещё во втором семестре, когда отчислились по собственному желанию практически все студенты, которые могли рассказать что-нибудь не только друг другу, но и преподавателю.

Так или иначе, но на втором курсе Максим начал сожалеть о том, что поступил в этот университет. Учиться ему стало лень. И поэтому он стал пропускать занятия, меньше уделял времени на изучение психологии. И первую промежуточную аттестацию, которая по правилам вуза была в середине октября, Максим сдал на тройки, да и то с трудом. И вовсе не потому, что он знал меньше тех, кто получил четвёрки и пятёрки. Просто многие из тех, кто сдавал на четвёрки и пятёрки, умели списывать и умели разговаривать с преподавателями, то есть либо умели сделаться в глазах преподавателей такими простыми и глупенькими (хотя далеко не все именно делались), что даже вызывали жалость, либо просто-напросто умели заговаривать зубы. Эти студенты не только на экзаменах, но и в жизни никогда не говорили «Я не знаю», на любой вопрос у них был свой ответ, во всех областях они что-то да знали, а если знали что-то, то значит, знали всё-всё и гордились своими знаниями. Например, если знали, что печень и лёгкие находятся справа, а сердце и селезёнка слева, значит, считали, что здравоохранение могло бы преобразиться, пойдя они учиться в медицинские вузы. А некоторые считали себя особыми уже потому, что не были алкашами и наркоманами и даже умели пользоваться компьютером. Это, по их мнению, ставило их выше других людей. Что касается Максима, то он во всём полагался только на свой ум, нежели на язык, полагался на свои знания, а когда они не выручали, он просто молчал, и его молчание преподаватели расценивали как неготовность. К тому же, как уже говорилось, Максим пропускал занятия, а преподаватели это не любили. Один из них так и сказал Максиму:

– Я бы поставил вам четвёрку, если б вы были на всех занятиях. Просто, понимаете, те, кто ходили постоянно, имели возможность задать мне вопросы...

Преподаватель не договорил, что единственный вопрос, который ему задавали студенты, это: вы не отпустите нас сегодня пораньше?

Ещё преподаватели, все дружно, не любили, когда студенты при ответе использовали материал не из их лекций, а из книжек. Поэтому студенты, прочитавшие книгу или даже несколько книг по дифференциальной психологии, находились в менее выгодных условиях, нежели студенты, тупо зазубрившие пять листов А4, на которых умудрялся разместиться весь курс дифференциальной психологии.

Во время аттестации по психологии рекламы строгая преподавательница не хотела ставить многим даже тройки, однако после того, как с ней поговорила замдекана, настроение у преподавательницы улучшилось, что незамедлительно сказалось на настроении студентов.

– В чём же заключается роль психических процессов в рекламе? – спросила она у одного Максимова сокурсника.

– Не знаю, – последовал ответ.

Дальше последовали другие вопросы, сперва касающиеся непосредственно психологии рекламы, затем вопросы просто из общей психологии. Выяснилось, что парень не знает абсолютно ничего. И тогда прозвучал вопрос:

– Кем вы работаете, молодой человек?

– Я провожу тренинги. Ну, учу людей, менеджеров по продажам, как нужно продавать, – парень говорил, то и дело запинаясь.

– И кто же вас поставил на эту должность? За какие такие заслуги?

– Вообще за то, что хорошо продавал. К тому же я работаю там уже давно.

– Я не понимаю, как можно заниматься продажами и при этом не знать элементарных вещей в области рекламы. Я, конечно, поставлю вам тройку, но запомните, молодой человек, что для того, чтобы быть счастливым, нужно самоуважение, а чтобы было самоуважение, нужно разбираться хотя бы в той области, в которой вы работаете и которая приносит вам хлеб.

Затем к преподавательскому столику сел другой парень, который уверенно ответил на все вопросы, кроме одного, самого последнего: «Кем вы работаете?».

– Я пока работаю на складе, но там работа перспективная, скоро, может, я перейду в офис, – во время ответа парень, казалось, готов был заплакать. Как же так!? В аудитории сидит ещё полкурса, и все теперь будут знать, что он всего лишь жалкий грузчик или комплектовщик, а не менеджер, не какой-нибудь торговый представитель. Какой ужас!

И чувство радости, охватившее парня после уверенных ответов на вопросы, после которых, он видел, поднялось настроение у преподавательницы, сменилось чувством досады.

После аттестации все студенты должны были сдать курсовую. Максим выбрал ту тему, которую он отлично знал, так как много читал о предмете и даже пытался сам что-то писать. Таким образом, у него появился повод собрать в кучу свои мысли и изложить их на бумаге, пользуясь различной литературой. Максим забыл троечную аттестацию, теперь она для него ничего не значила, но вот к сдаче курсовой он готовился тщательно. И этим он отличался от большинства своих сокурсников, которые тупо копировали из Интернета всю информацию на свои темы, не утруждая себя даже проверкой правописания. Как выяснилось, в Интернете можно найти всё, что угодно, поскольку троек почти не было. Для того чтобы получить четвёрку, было достаточно показать саму курсовую преподавателю и прочитать основные моменты. Для получения пятёрки же было необходимо рассказать хотя бы половину основных моментов своими словами, то есть не подсматривая текст. С этой задачей мало кто справлялся, зато с четвёрками ушли многие.

Одним из последних сдавал Максим. Он был уверен в успешном исходе, потому что даже те, кто абсолютно не были готовы отвечать, в итоге сдали хотя бы на четвёрки.

Пересказав содержание курсовой, Максим отдал работу преподавательнице, которая углубилась в изучение, длившееся не больше минуты.

– Знаете, выше тройки я вам поставить не могу, – при этих словах у Максима душа ушла в пятки. – Обратите внимание на то, как оформлен здесь титульный лист, – указала преподавательница на работу Огородникова, тупицы из тупиц со словарным запасом как у ребёнка, который не только не знал, кто основатель бихевиоризма, но и не мог выговорить само слово «бихевиоризм», за что над ним смеялись даже многие его товарищи, которые сами ушли не далеко от сокурсника. Огородников сдал на четвёрку перед Максимом, поэтому именно его работа была призвана научить Максима писать курсовые. – Смотрите, сколько расстояния надо было отступать вот здесь, каким шрифтом надо было писать название. Почему, наконец, написаны всего лишь инициалы научного руководителя, хотя на самом деле имя и отчество должны быть написаны полностью?

– Но это же не самое главное, согласитесь, в НАУЧНОЙ работе. Мы же будущие психологи, а не операторы ПК.

– Понимаете, эти работы будет смотреть декан. И что он скажет, когда увидит неправильно оформленный ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ? К тому же у вас не доделана практическая часть.

– Но как я могу её доделать, если там требуется группа людей? Где я могу взять этих людей? Кому нужна моя курсовая? Кто ради неё готов пожертвовать собственным временем? А если вам не понравилась моя титульная страница, я могу её переделать.

– Нет, это никак не возможно. Я уже через десять минут должна сдать работы в деканат. Если я вам поставлю четвёрку, декан мне сделает выговор, так что ничего, к сожалению, не могу поделать. А что касается практической части, то её можно легко найти в Интернете. Почему-то все нашли... – и ещё долго научный руководитель объясняла Максиму, что он должен был сделать, чтобы получить хотя бы четвёрку.

В итоге Максим сдал на тройку. И после этого желание учиться у него ещё заметнее поубавилось. И он бы вполне возможно совсем бросил учёбу, но один случай изменил его отношение если не к учёбе, то к посещению занятий.

Это случилось в середине ноября. Максим опоздал на пару и сидел в холле в ожидании следующей, наблюдая, как за окном валит снег. Если бы погода была более-менее тёплая, Максим предпочёл бы походить или посидеть где-нибудь на улице, а так приходилось торчать в университете и рисковать быть замеченным методисткой или показаться подозрительным замдеканше, которая ходила туда-сюда. Обычно ей было безразлично, кто и как посещает занятия, лишь бы все вовремя платили деньги за учёбу, но иногда она всё же могла обрушить свой гнев на того или иного студента, не желавшего идти на пару. Чтобы не показаться подозрительным, Максим хватался за лекции сразу, как только слышал, как открывается дверь деканата.

Время пары уже заканчивалось, и первокурсников отпустили. Теперь Максим мог несколько не бояться, что его примут за прогульщика. Большой поток весёлых студентов с шумом покатился к выходу. Возможно, уже через год этот поток поредеет, как поредел поток Максима, но об этом вряд ли кто-то думал из первокурсников. Для них только открывалась новая глава жизни под названием студенчество, и эта глава казалась им весьма важной. В любой жизненной ситуации самое интересное, самое запоминающееся – это начало. Но однажды новые впечатления, новые знакомые, новый жизненный опыт теряют свою новизну, перестают радовать, перестают быть предметом размышлений. И то, о чём кто-то когда-то думал каждый раз, когда открывал утром глаза, рано или поздно становится лишь воспоминанием.

Света была частицей потока, который катился к выходу. Сперва Максим не поверил своим глазам, но на этот раз он не обманулся, как это было много раз во время велосипедных прогулок. Теперь он действительно видел Свету. И сразу же Максим удивился тому, как это он был способен её перепутать с кем-то. Сердце его бешено заколотилось. Оно не колотилось

так даже тогда, когда Максим «видел» Свету во время велосипедных прогулок, несмотря на то, что всё тогда происходило на фоне физической нагрузки.

Но видеть Свету, видеть её красоту Максим мог только несколько секунд. Затем Света вышла на улицу. Теперь Максим вспомнил, что она хотела куда-нибудь поступить. Но почему она поступила сюда, в этот гадюшник? Ведь есть куда более приличные учебные заведения! Почему выбрала для изучения дурацкую психологию, а не, например, филологию или историю? Максим задавался этими вопросами, потому что всё, связанное с этим университетом, в последнее время казалось ему низменным и заслуживающим презрения, а всё, что касалось Светы, наоборот казалось прекрасным и возвышенным.

Недолго Максим пытался разгадать, что же повлекло Свету учиться в гадюшник, уже через минуту он задавался другим вопросом: как начать разговор? Но для ответа на него требовалось ответить на другой: помнит ли она его вообще? Тот их разговор был настолько мимолётным, что вряд ли мог остаться в памяти девушки больше чем на один час. Но Максим надеялся на лучшее.

Он вышел на улицу в надежде увидеть Свету, но на территории университета её нигде не было. И он принял выжидательную тактику. Пускай он опоздает на пару, и строгий преподаватель его не пустит – не беда, главное, дождаться Свету и обозначить себя в её поле зрения, просто сказать ей «привет».

Но он простоял, прозябая, минут сорок, затем поехал домой. «А может, она зашла в университет к какой-нибудь своей подружке, – думал Максим. – С чего это я решил, что она вообще здесь учится?»

И он поехал на следующий день в университет, чтобы проверить, учится ли там Света или нет. В этот день у второго курса не было занятий, поэтому Максим не боялся, что его увидит методистка. Он посмотрел расписание первого курса и стал ждать возле той аудитории, где у них должны были проходить занятия. Но потом прокрутил в голове все возможные сценарии и принял решение подойти к аудитории под конец первой пары. Ведь перед парой совсем не будет времени поговорить, даже если и найдётся о чём. И он занял то самое место в холле, с которого он вчера увидел Свету.

Он наблюдал за тем, как ходят туда-сюда студенты. Их возня казалась до ужаса смешной. Они переживали по поводу предстоящих экзаменов, как будто в жизни не было ничего важнее того, какую они оценку получают по возрастной психологии или по истории психологии, в которых они ничего не понимали, а если и понимали что-то, то забыли это бы уже через месяц, и которые для абсолютного большинства из них никогда в жизни не будут играть никакой роли.

Когда пара началась, в холле, где сидел Максим, стало тихо-тихо, и это позволило ему вернуться мыслями к Свете. Что он ей скажет? Интересно, все эти студенты задавались когда-нибудь подобными вопросами? Или единственные вопросы, на которые они пытались ответить, – это как сдать экзамены, как устроиться на высокооплачиваемую работу и тому подобное? А если всё-таки задавались, то какой выход они находили?

Прошло примерно полпары, когда Максим решил выйти на улицу и там продолжить поиск выхода из положения. Он стоял, задумавшись и ничего не замечая вокруг себя, до тех пор, пока с ним не поздоровались. Максим поднял глаза на голос и увидел Свету. Она только шла в университет.

– Привет, – только и сумел ответить Максим.

Света заколебалась. Было видно, что она готова к продолжению разговора, но при этом не собирается первой что-то говорить Максиму. И только когда она взялась за дверную ручку, Максим сказал:

– А ты что, здесь учишься?

Но момент был упущен. Света уже была на пороге университета, и шаг назад она делать не собиралась.

– Да, а ты разве не знал? – искренне удивилась Света.

– Откуда же я мог об этом знать? – не менее искренне удивился Максим.

– Я тебя частенько вижу, поэтому, я думала, ты тоже меня замечал не раз.

Света не отпускала дверную ручку и всем своим видом показывала, что ей надо войти внутрь. В её голосе слышались нотки недовольства.

– Впервые тебя вижу здесь, – Максиму хотелось что-то ещё добавить, но ничего не приходило в голову. Во многом из-за того, что Света была сегодня не расположена к общению или только делала вид.

Девушка воспользовалась наступившей паузой:

– Ну, всё, я пошла.

И Максиму ничего не оставалось, кроме как войти вместе с ней в университет.

– А как у тебя успехи в спорте? Не появилось ли время, чтобы побегать вместе вокруг той самой поляны? Или, может, ты там и бегаешь каждый день, а я не знаю?

– Я стала уделять меньше внимания спорту из-за учёбы.

Света села на кресло в холле. Максим сел рядом с ней на стул.

– А ты почему не на паре? Опоздал, как и я? – уже более весёлым тоном заговорила Света. Возможно, то, что происходило сейчас, напомнило ей лето, когда Максим точно так же сел рядом с ней. Только вместо кресел и стульев тогда было бревно. И вместе с этим воспоминанием вернулось настроение, которое было тогда, летом.

– По правде сказать, у меня сегодня нет учёбы. Я ходил за справкой.

– Так справки же выдают до двух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.